

Чужая Луна

Александр Маслов

Чужая Луна

<https://litres.ru/74336754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психологическая драма с элементами фантастики:

Произведение написано от первого лица, что создает эффект погружения в внутренний мир героини. Композиция строится на чередовании реалистических эпизодов с фантастическим финалом.

Сюжет:

История рассказывает о школьнице, живущей в атмосфере постоянных семейных конфликтов. Основной сюжет разворачивается вокруг её попытки справиться с двойкой по математике и нарастающим внутренним напряжением, которое приводит к потере сознания и попаданию в альтернативную реальность.

Произведение представляет собой глубокое исследование внутреннего мира современного подростка, сталкивающегося с типичными проблемами взросления в условиях неблагополучной семейной ситуации.

Содержание

Глава 1 . Тетрадь в красных исправлениях	4
Глава 2. Контрольная по математике	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Маслов

Чужая Луна

Глава 1 . Тетрадь в красных исправлениях

Я не сразу поняла, что проснулась.

Просто лежала, уставившись в потолок, и слушала, как за стеной происходит что-то привычное и неприятное — как зубная боль, которая уже не острая, но никуда не делась. Голоса с кухни не прорывались словами, только интонациями: мамин — ровный, отшлифованный, как камень в реке, папин — чуть выше нужного, с этим характерным подъёмом в конце фраз, будто он всё время начинает оправдываться и не заканчивает.

Я повернулась на бок.

Семь двенадцать. За окном Челябинск уже ехал куда-то, гудел, кашлял выхлопными газами. На подоконнике стояла кружка, которую я вчера забыла унести, — чай там засох до коричневатого кольца на дне.

Вставать не хотелось. Вставать вообще никогда не хотелось с тех пор, как не стало понятно, зачем именно это утро

лучше предыдущего.

Но я встала.

Рюкзак нашёлся под стулом, частично открытый, с торчащим учебником по праву. Я начала собираться методично, как всегда — тетрадь по истории, ручки, пенал, зарядка для телефона. Потом полезла за тетрадью по математике.

Она лежала на самом дне, под сменной футболкой, которую я там почему-то хранила. Я её вытащила и сразу пожалела.

Красного было много. Не «много» в смысле несколько пометок — а в смысле, что преподаватель, кажется, работал красной ручкой с каким-то остервенением, будто лично обиделся на мои интегралы. Галочки, стрелки, подчёркивания, и в углу последней страницы — большая аккуратная двойка в кружочке, как маленькое красное солнце над горизонтом моего позора.

Я смотрела на неё секунды три.

Потом убрала тетрадь обратно на самое дно, под футболку, застегнула рюкзак и поставила его к двери. Что не видишь — того нет. Это не работает, я знаю. Но утром, в семь двенадцать, с кухни доносятся мамины интонации — и выбирать не приходится.

Я взяла рюкзак и пошла через коридор.

Кухня открылась сразу вся: небольшая, с вечно чуть скрипящей форточкой и холодильником, который иногда гудел так, будто думал о чём-то своём. Мама сидела за столом. Пе-

ред ней лежала стопка распечаток — я успела разглядеть таблицы с цифрами, что-то связанное со счётом за электричество или, может, с кредитом, я в этом не разбиралась и не особо хотела. Она листала страницы очень аккуратно, очень тихо, не поднимая глаз.

Папа стоял у окна.

Спиной ко мне, лицом к серому челябинскому утру. В руке — кисть. Не альбом, не холст, просто кисть, как будто он вышел из мастерской на секунду и застрял тут. На кисти была охра, уже подсыхающая по краям щетины.

Они оба молчали.

Это молчание было отдельным существом в комнате — оно занимало место между холодильником и окном, между мамиными распечатками и папиной кистью, и дышало. Громче, чем любые слова. Я уже научилась не пытаться его заполнить — раньше пробовала, говорила что-нибудь нейтральное, спрашивала про погоду или «вы ели?», и это только хуже делало, потому что они оба смотрели на меня так, будто я случайно вошла не в ту дверь.

— Пока, — сказала я.

Просто в пространство между ними. В воздух над столом, в сторону окна. Никуда конкретно.

Никто не обернулся.

Я уже взялась за ручку двери — не входной, прихожая была за поворотом, — когда услышала мамин голос:

— Поешь хоть.

Она не обернулась. Я это знала, не видя — по звуку: голос был направлен в стол, в распечатки, в цифры. Уже в закрывающуюся дверь, уже вдогонку, уже как бы и необязательно.

Я вышла.

В прихожей обулась быстро, накинула куртку, поправила лямки рюкзака. На вешалке висел папин старый шарф, бордовый, с вытянутым краем, — он там висел уже месяца три, с первых холодов, и папа его почему-то не брал. Я на секунду задержала на нём взгляд и вышла на лестницу.

Дверь захлопнулась за мной с привычным мягким щелчком.

Лестничная клетка пахла так, как пахнут все лестничные клетки в панельных домах: немного сыростью, немного соседским супом, немного просто временем. Лампочка на нашем этаже мигала раз в несколько секунд — она так мигала уже полгода, и никто не менял, и я уже не замечала, просто знала, что она мигает.

Я начала спускаться.

Один.

Ступени здесь широкие, чуть стёртые по центру, с выщербленным краем на третьей сверху. Я это знала наизусть.

Два. Три.

Привычка появилась давно, я уже не помню когда. Просто в какой-то момент заметила, что считаю — и что пока считаю, не думаю ни о чём другом. Это работало. Не как решение, а как передышка. Четыре ступеньки — четыре секунды,

когда в голове нет ни маминых распечаток, ни папиной охры, ни красной двойки в кружочке.

Четыре. Пять.

За третьим этажом хлопнула чья-то дверь — соседи, кто-то из Петровых или тех, с угловой квартиры, я не знала, кто там живёт. Голоса, смех ребёнка, снова хлопок.

Шесть. Семь.

Второй этаж. Здесь на подоконнике кто-то поставил горшок с засохшим алоэ — он стоял там сколько я себя помню, и никто его не выбрасывал и не поливал. Я всегда думала, что это странно. Сегодня почему-то подумала, что не странно совсем.

Восемь. Девять. Десять.

Первый этаж. Почтовые ящики, один с вырванным замком и зияющей дырой вместо него. Плитка у входа, чуть сдвинутая — за зиму поднялась и так и осталась.

Одиннадцать. Двенадцать.

Я толкнула тяжёлую дверь подъезда.

Снаружи было холоднее, чем я ожидала, — апрель в Челябинске всегда притворяется мартом до самого мая. Ветер дёрнул за волосы, я втянула голову в плечи и пошла к остановке.

Тринадцать ступенек. Как всегда.

* * *

Улица встретила так, как обычно встречает апрельское утро в Челябинске: серым небом цвета застирившей тряпки

и ветром, который лезет под воротник, хотя ты застегнулся до самого подбородка.

Я шла к остановке знакомым маршрутом — мимо продуктового с вечно запотевшей витриной, мимо облупленного забора, мимо лужи у бордюра, которая появилась в начале апреля и, похоже, собиралась пережить лето. Обогнула её автоматически, не глядя. Нога сама знала, куда ступить.

Думала я не о луже.

Вчера было примерно так: папа пришёл в десять, когда мама уже закрылась в спальне со своими распечатками. Он поставил на кухне кофе, забыл про него, нашёл через полчаса холодным, вылил и пошёл рисовать. В одиннадцать мама вышла, увидела кружку в раковине и что-то сказала — тихо, но с той самой интонацией, которая хуже крика. Папа ответил. Дальше я уже слышала сквозь стену: слов не разбирала, только ритм, а ритм был знакомый — нарастающий, потом резкий, потом тишина. Потом дверь спальни.

Я лежала и смотрела в потолок и думала: что я сделала не так.

Это была совершенно дурацкая мысль, потому что я вообще-то уже спала в десять, то есть физически не могла ничего сделать не так, но это не помогало. Мозг всё равно методично перебирал: может, нужно было сделать ужин, хотя мама не просила; может, нужно было поговорить с папой, когда он пришёл; может, нужно было просто быть как-то иначе — тише, незаметнее, полезнее, не знаю.

Автобус подошёл переполненный, как всегда в восемь утра. Я втиснулась, ухватила за поручень, уткнулась взглядом в чью-то спину в серой куртке.

Самое смешное, что я это уже знала. Не сегодня придумала — давно. Знала, что они ссорятся не из-за меня и что я не могу их помирить и что кружка в раковине — это вообще про что-то другое, не про кружку. Знала всё это совершенно отчётливо. И всё равно каждый раз лежала ночью и думала: что я сделала не так.

Наверное, это называется как-то по-умному. Там, в статьях, которые Маша иногда присылает — про созависимость и детей в семьях с хроническим конфликтом, и всё такое. Я их читала. Кивала. Думала: да, понятно, это про это. Потом шла спать и снова искала свою вину в чужой ссоре.

Автобус дёрнулся на повороте. Кто-то наступил мне на ногу и не извинился.

Апрель.

Телефон завибрировал в кармане куртки — я достала его, придерживая рюкзак локтем. Экран высветил сообщение от Маши, одно слово и три буквы: «уже у входа, где ты».

Я смотрела на это несколько секунд.

Что-то внутри — не сердце, не в том смысле, просто что-то — слегка отпустило. Совсем немного, на один выдох, но это было как приоткрытая форточка в комнате, где долго не проветривали. Маша уже у входа. Значит, стоит там в своей оранжевой шапке, которую носит с сентября и будет носить

до июня, и пишет мне, и это происходит прямо сейчас, и это нормально, и это моё.

Я написала в ответ: «еду, 10 минут».

Убрала телефон.

Вышла на своей остановке, прошла мимо ларька с шаурмой — он работал уже, несмотря на время, и пах луком и специями. Свернула за угол.

Здесь был небольшой перекрёсток, и на нём — витрина какого-то офиса, не то нотариус, не то страховая, не важно. Стекло было чистым, утренним, и в нём отражалась улица: серое небо, голые деревья, несколько прохожих в тёмных куртках.

И я.

Я не планировала останавливаться. Просто на секунду поймала взгляд собственного отражения и что-то меня притормозило.

Смотрела на себя: куртка синяя, рюкзак чёрный, волосы убраны в хвост, одна прядь выбилась и висит сбоку. Лицо нормальное. Обычное. Не страшное и не красивое особенно — просто лицо, каких миллион. Девочка, которая едет в колледж.

Не знаю, что я ожидала увидеть. Но что-то сегодня это ударило — сильнее, чем должно было. Обычность. Полная, абсолютная, ничем не примечательная обычность. Не в смысле плохо — просто: вот она, вот я, и ничего особенного. Маша пишет стихи, которые правда хорошие, Даша может

в уме перемножить трёхзначные числа, и у неё это выходит как дышать, а я — я еду в колледж, где у меня пересдача по математике на следующей неделе, и вчера ночью я лежала и думала, что виновата в чужой ссоре.

Прохожий задел меня плечом, буркнул что-то.

Я отвела взгляд от витрины и пошла дальше.

Колледж был уже виден — серое здание в четыре этажа, с надписью над входом, с турникетом в вестибюле, с запахом сырости и хлорки, который начинается уже на улице, если ветер с той стороны. Деревья во дворе стояли голые, ещё без листьев, и на одном из них сидела ворона и смотрела вниз с видом человека, который давно всё понял и теперь просто наблюдает.

Я поправила лямку рюкзака.

Где-то у входа стояла Маша в оранжевой шапке.

* * *

Маша была видна ещё издалека — оранжевая шапка горела на фоне серых курток, как светофор на пустой дороге. Рядом стояла Даша с бумажным стаканом кофе и смотрела куда-то в сторону с видом человека, у которого всё под контролем, включая погоду.

Я ускорила шаг.

— Оля! — Маша уже шла навстречу, на ходу тыча в меня телефоном. — Смотри, смотри, умри немедленно.

На экране был мем. Я честно пыталась понять — секунду, две, — потом до меня дошло, и я засмеялась. Что-то про кота

и экзамены. Или про экзамены и кота. Маша уже смеялась вместе со мной, громко, запрокинув голову, как она всегда это делает — без всякого стеснения, будто никаких людей вокруг нет.

— И в чём смешно, — сказала Даша. Не спросила — сказала. Она глотнула кофе и посмотрела на нас двоих с одинаково ровным выражением.

— Даша, — сказала Маша, убирая телефон, — ты когда-нибудь просто смеялась? Без причины?

— Нет, — ответила Даша. — Это неэффективно.

— Боже, — Маша повернулась ко мне, — она неизлечима.

— Я рядом, — сказала Даша.

— Я знаю, именно тебе и говорю.

Они переглянулись. Даша чуть приподняла бровь. Маша скорчила гримасу. Это у них был такой язык — без слов, два жеста, и всё понятно. Я смотрела на них, и что-то внутри — то самое что-то, которое весь утренний путь сидело где-то в районе ключиц и не давало нормально дышать — тихо, почти незаметно отпустило.

Совсем немного. Но отпустило.

— Ладно. — Даша повернулась ко мне, и в голосе у неё появилась та самая интонация, которую я знала хорошо — деловая, без предисловий. — Контрольная сегодня в третьей паре.

Я открыла рот.

— По математике, — добавила она, на случай если я вдруг

забыла, по какому именно предмету.

— Я помню, — сказала я.

— Не помнишь.

— Помню.

Даша посмотрела на меня. Я выдержала взгляд ровно четыре секунды, потом отвела глаза куда-то за её плечо.

— Ну, — начала я.

— Вот, — сказала Даша.

— Оля. — Маша взяла меня за руку и сжала — быстро, тепло, один раз. — Ты готовилась вообще?

— Я читала конспект.

— Когда?

— На прошлой неделе.

— Это... — Маша начала и замолчала, подбирая слово.

— Плохо, — подсказала Даша.

— Я хотела сказать «не идеально».

— Плохо точнее.

Маша снова сжала мою руку — на этот раз дольше, и не отпускала. У неё были тёплые пальцы, всегда, даже зимой, когда она забывала перчатки, что случалось примерно каждые три дня. Я посмотрела на неё, и она посмотрела на меня, и ничего особенного в этом не было, просто она была рядом, и это почему-то имело значение.

— Слушай, — сказала я, — я вот думала. Если я прямо на контрольной упаду в обморок, мне же не поставят двойку?

Маша засмеялась — сразу, без паузы. Даша не засмеялась,

но в уголке её рта что-то дрогнуло.

— Технически, — сказала Даша, — тебе вообще ничего не поставят. Ты же не сдала работу.

— Отлично. Значит, план.

— Это не план, это медицинское происшествие.

— Зато без двойки.

— И с вызовом скорой.

— Маша поедет со мной, — сказала я. — Для поддержки.

— Я поеду, — подтвердила Маша немедленно. — Я даже цветы принесу. В палату.

— Вы обе ненормальные, — сказала Даша, но кофе отпила, чтобы скрыть лицо.

Мы засмеялись. Все трое — даже Даша издала что-то похожее на смех, хотя, скорее всего, это был просто выдох. На нас оглянулся какой-то парень, идущий к входу, потом пожал плечами и прошёл мимо.

А потом смех закончился.

Не резко — просто сошёл на нет, как сходит на нет эхо в пустом классе. Маша всё ещё улыбалась, но уже вполсилы. Даша смотрела в свой стакан. Шутка про обморок висела в воздухе немного дольше, чем должна была, — секунды на три, может, на четыре, — и в эти три-четыре секунды что-то в ней перестало быть шуткой.

Я не знаю, заметили ли они.

Наверное, заметили. Маша умеет замечать такие вещи — она просто обычно не говорит вслух, если видит, что я не

хочу. Даша тоже умеет, по-своему, по-дашиному — она не говорит ничего, но запоминает и потом, когда надо, достаёт из памяти, как нужный инструмент.

— Идём, — сказала Даша. — До звонка восемь минут.

Она двинулась к входу. Маша легонько толкнула меня плечом — молча, просто так — и пошла следом.

Я поправила лямку рюкзака и пошла за ними.

Турникет пиликнул. В вестибюле пахло, как всегда, — сыростью и хлоркой и немного чужими куртками. Лестница была широкой и гулкой, и на ней уже толпились люди — кто шёл вверх, кто вниз, кто стоял у стены с телефоном.

Обычный день. Обычный колледж. Обычная я.

Контрольная была в третьей паре.

* * *

До начала урока оставалось минут десять, не больше.

Я сидела за своей партой — третий ряд от окна, второй от доски, место, которое я выбрала в первый день учёбы и уже никогда не меняла, потому что для этого нужно было принять решение. Тетрадь лежала открытой, но я ничего не писала. Смотрела в окно.

За окном был двор. Обычный двор: несколько деревьев, скамейка, асфальт с трещиной посередине. В трещине пробилась какая-то трава — зелёная, дерзкая, совершенно неуместная. Я подумала, что если бы я была этой травой, то меня бы давно вырвали. А потом подумала, что это странная мысль, и перестала на неё думать.

Маша сидела через проход и листала что-то в телефоне. Даша — ряд вперёд, уже с ручкой наготове, как будто контрольная началась пять минут назад и она просто её не предупредила. Я смотрела на Дашину спину и думала ни о чём.

Потом мысль зацепилась.

Не за что-то конкретное. Просто — за утро. За кухню. За то, как мама стояла у плиты спиной к двери, и то, как папа сидел за столом со своей чашкой, которая давно остыла.

* * *

Это было не утром. Это было несколько дней назад, вечером.

Я пришла из колледжа поздно — задержалась с Машей, потом стояли у метро и говорили о чём-то, уже не помню о чём. Зашла в прихожую, сняла куртку, услышала голоса с кухни. Не слова — интонации. Мамин голос был ровным, что всегда хуже, чем если бы она кричала. Папин — никакого.

Я остановилась в коридоре. Стояла и слушала, как стоят у закрытой двери, понимая, что не надо открывать, но и уходить как-то тоже нельзя.

— Ты живёшь в своём мире, — сказала мама. — Ты всегда жил в своём мире.

Пауза. Длинная, такая, что я успела посчитать трещины на обоях — их было четыре, я знала это наизусть.

Папа ничего не ответил.

Это было хуже всего. Если бы он возразил, если бы ска-

зал что-нибудь — хоть что-нибудь, — было бы понятно, что разговор ещё идёт. Но он молчал, и его молчание было такое плотное, такое нехорошее, что я почувствовала его сквозь стену.

Я зашла на кухню.

— Вы чай будете? — спросила я. — Я поставлю чайник.

Мама посмотрела на меня. Папа посмотрел на меня. Они оба на секунду перестали смотреть друг на друга или в разные стороны и посмотрели на меня, и я улыбнулась — немного, просто так, — и потянулась к чайнику.

— Не надо, — сказала мама. — Спасибо.

— Нет, — сказал папа. — Я уже.

Чайник был холодным. Я всё равно наполнила его водой, поставила, щёлкнула кнопкой. Он загудел. Это был единственный звук на кухне следующие три минуты.

За окном по двору прошли двое — кто-то из старших, не из нашей группы. Один смеялся. Трава в трещине качнулась от ветра.

Чай никто не выпил. Я потом видела — мамина чашка стояла на столе нетронутой, папина тоже. Я сама налила себе, но он был горячий, я поставила его в раковину и ушла к себе.

Вот в чём штука.

Я подумала об этом прямо сейчас, глядя в окно, — ни с того ни с сего, как мысли иногда приходят, когда их не зовёшь. Я всегда предлагаю чай. Это не первый раз и не второй.

Когда между ними повисает эта тишина, я начинаю двигаться — встаю, иду на кухню, спрашиваю про чай, про ужин, про что-нибудь. Нахожу, чем заполнить. Иногда это работает — они начинают говорить о чём-то другом, нейтральном, и напряжение немного рассасывается. Иногда нет.

Но чай-то всё равно никто не пьёт.

Я это знала. Я это знала и всё равно ставила чайник, раз за разом, как будто в какой-то момент что-то изменится. Как будто правильно выбранный момент и правильно предложенный чай вдруг починит то, что, кажется, сломалось за-долго до меня. Может, ещё до того, как я вообще появилась.

Это была тихая, неудобная мысль. Я её не додумала.

В классе стало чуть шумнее — кто-то вошёл, кто-то пере-ставил стул. Маша убрала телефон в карман. Я посмотрела на дверь.

Евгений Олегович вошёл без предупреждения — он всегда так делал, без «здравствуйте все» и без паузы у порога. Просто шагнул внутрь, прошёл к столу, поставил стопку листов. Листов было много. Больше, чем хотелось бы думать.

— Телефоны убрали, — сказал он. Не громко. Он вообще редко говорил громко. — Лишнего на партах нет. Начинаем.

Листы пошли по рядам. Я взяла свой — плотный, казённый, с шапкой сверху. Написала фамилию. Имя. Группу.

Посмотрела на первое задание.

За окном качалась трава в трещине асфальта.

Я взяла ручку.

Глава 2. Контрольная по математике

Первое задание смотрело на меня как незнакомец в лифте — молча, немного снисходительно.

Я смотрела в ответ.

Там было что-то про интегралы. Или про производные. Или и то, и другое сразу — они всегда лезли скопом, будто сговорились. Я прочитала условие дважды, потом ещё раз, медленнее, как будто если сильно постараться — слова наконец сложатся во что-нибудь осмысленное. Не сложились.

Окей, — сказал внутренний голос. — *Окей, нет, всё хорошо. Просто нужно вспомнить.*

Я попробовала вспомнить.

В голове было как в той комнате, которую начинают убирать, а потом забрасывают в середине: что-то куда-то сдвинуто, пыль поднята в воздух, и вообще непонятно, с чего начинали и зачем. Прошлый урок — Евгений Олегович что-то писал на доске, я это точно помнила. Писал долго, аккуратно, и мел у него никогда не скрипел, что само по себе было странно. Я даже записала. Первые пять минут записывала, а потом мысли куда-то уехали, и я просто сидела и смотрела на движение руки по доске, как на что-то медитативное.

и далёкое.

Что он писал — не вспомнить.

Хорошо, — продолжил голос. — *Хорошо, это не катастрофа. Просто подумай логически. Тут же есть какая-то логика. Математика — это логика, так все говорят. Значит, нужно просто включить логику и.*

Я посмотрела на задание ещё раз.

Логика не включилась.

Справа от меня Даша уже писала. Я покосилась — не чтобы списать, просто потому что не удержалась. Она держала ручку как-то очень уверенно, будто знала, куда она движется, и ручка тоже это знала. Строчки шли ровно, без остановок, без зачёркиваний. Она не смотрела по сторонам. Она вообще, кажется, не замечала, что вокруг есть класс.

Слева Маша грызла колпачок — это у неё была привычка, и колпачки у неё всегда выглядели так, будто побывали в перedelке. Но при этом она тоже писала. Что-то там выводила, останавливалась, думала, снова писала. Грызла и писала. Многозадачность.

Я посмотрела на свой лист.

Строчка «Задание 1.» смотрела на меня обратно. Я её подчеркнула. Потом подчеркнула ещё раз — аккуратнее, по линейке не было, но получилось почти ровно. Это было единственное, в чём я была уверена на данный момент: что умею подчёркивать.

Ниже зиял белый прямоугольник пространства.

Я поняла, что написать туда мне нечего.

Не то чтобы это было неожиданностью. Скорее — подтверждением гипотезы. Я давно подозревала, что математика со мной в состоянии холодной войны, и вот она только что прислала официальную ноту.

Я положила ручку на парту.

В классе была тишина — тот особый её вид, который бывает только на контрольных и на похоронах: все молчат, но это не тихо, это очень громко. Скрипнул стул где-то в третьем ряду. Кто-то в углу шумно выдохнул. Шелестели листы — у кого-то уже переворачивались на следующую страницу, значит, они уже дошли до следующей страницы, значит, они уже решили первую, значит, я единственная, кто сидит и смотрит на подчёркнутый номер, как на надгробную плиту.

Запах в классе был такой, что хотелось чуть приоткрыть рот — не хватало воздуха, или казалось, что не хватает. Мел, чужие духи, нагретый пластик стульев, что-то ещё, неопределимое, стандартное, казённое. Окно справа было приоткрыто на палец, но это не особо помогало. Апрель снаружи был холодный, и в щель тянуло не свежестью, а просто другим видом застоялого воздуха.

Ладно, — сказал внутренний голос. Уже без прежней бодрости. — *Может, второе задание лучше?*

Я перевела взгляд на второе задание.

Второе задание было про функции. Я это слово знала. Я точно знала это слово. Что за ним стояло — уже менее точ-

но. Там было несколько строчек условия и место для решения, и это место выглядело так же пусто и требовательно, как первое.

Евгений Олегович стоял у окна — тоже приоткрытого, с его стороны класса. Он смотрел не на нас, а куда-то поверх голов, немного в сторону. Иногда он так делал на уроках: говорил и смотрел чуть мимо, как будто объяснял не нам, а кому-то невидимому за нашими спинами, кто понимал лучше. Сейчас он просто стоял и молчал. Это было его обычное состояние на контрольных — ходить между рядами или стоять, негромко, без лишнего. Иногда кто-то поднимал руку, и он подходил, смотрел, говорил что-то тихое — не ответ, никогда не ответ, что-то другое. Наводящее.

Меня он ещё ни разу не навёл ни на что хорошее.

Я снова взяла ручку. Написала под первым заданием: $*x = *$ — и остановилась.

$*x*$ равнялось чему? Это был хороший вопрос. Риторический.

Скрипнул ещё один стул. Маша перевернула страницу. Я слышала это краем уха — тихое, уверенное шуршание. Даша не переворачивала, она просто писала и писала, не поднимая головы.

Я зачеркнула $*x = *$.

Написала снова.

Зачеркнула.

Воздух давил немного, или так казалось. За окном про-

ехала машина — звук мгновенно всосался в тишину класса и исчез. Кто-то шмыгнул носом. Евгений Олегович сделал два шага по проходу и встал у третьего ряда, глядя в чей-то лист — молча, с тем выражением, которое ничего не говорило, но почему-то всегда немного пугало.

Я смотрела на свои два зачёркнутых *х =* и думала, что это, наверное, самое честное, что я сегодня написала.

* * *

За окном было небо. Серое, мутноватое, апрельское — не злое и не доброе, просто никакое. Такое небо бывает в дни, которые потом не вспоминаются. Облака не плыли, просто висели — как наволочка, которую постирали и повесили сушиться, но она так и не высохла как надо и теперь провисла посередине.

Я смотрела в него дольше, чем следовало.

Ручка лежала в руке — я её не выпустила, но и держала как-то неуверенно, между двумя пальцами, на весу. На листе всё те же два зачёркнутых *х =*. Больше ничего.

Небо было безупречно бессмысленным. Меня это успокаивало.

Мама сейчас, наверное, сидела за кухонным столом — или уже ушла на работу, но скорее за столом, потому что у неё первая пара только во второй половине дня по средам. Сидела с распечатками. Она всегда распечатывала таблицы на бумаге, хотя всё это можно было смотреть на телефоне — но бумага, видимо, казалась ей честнее. Надёжнее. Что-то в

этом было от неё: важные вещи должны существовать физически, занимать пространство, иметь вес. Она подчёркивала цифры карандашом, иногда обводила. Голос у неё в такие утра был ровный и отшлифованный — без интонаций, как зачитывают протокол. Именно так она говорила, когда злилась по-настоящему: не кричала, а становилась очень, очень ровной. Хуже крика.

Папа, наверное, всё ещё стоял у окна — или уже не стоял, переместился куда-то, но я привыкла помещать его именно туда. У окна, с кистью. Сегодня утром была охра, засыхала по краям. Он молчал с тем особым молчанием, которое не просто тишина — оно плотное, нехорошее, как воздух перед грозой, только гроза никак не начинается. Они не ругались сегодня утром. Иногда это было почти хуже, чем когда ругались.

Небо за окном не изменилось.

Что я сделала не так, — привычно начал внутренний голос, и я поймала его на этом, как ловят кота, тянущегося к столу.

Стоп.

Ничего. Я вообще была в школе. То есть в колледже. Я вообще не была дома. Я ушла в восемь утра, считала ступеньки — тринадцать, как всегда тринадцать, — и всё. Дальше я за происходящим на кухне ответственности не несу.

Умом я это знала. Это была правда, рациональная и понятная. Умом — да.

Но что-то под умом продолжало перебирать: может, если бы я предложила чай раньше, может, если бы я ушла тише, может, если бы я вообще не выходила из комнаты и не попалась маме на глаза с этой своей мятой тетрадью, может, может, может.

Я смотрела в небо и думала: а если бы я просто исчезла.

Не умерла — это было бы слишком громко, слишком много последствий, слишком много хлопот для всех. Нет. Просто — исчезла. Вышла из кадра. Как актриса, которую вырезали из сцены при монтаже: сцена продолжается, история идёт дальше, только этого конкретного человека в ней больше нет, и на самом деле никто особо не заметил шва.

Стало бы им легче?

Я думала об этом честно, без надрыва. Мама бы не третила время на то, чтобы говорить ровным голосом именно потому, что рядом я. Папа бы не стоял у окна с этим своим плотным молчанием, которое отчасти, я знала, отчасти было про меня — про то, что я не понимаю его картин, не понимаю, почему это важнее стабильного дохода, не понимаю вообще ничего в этом противостоянии, которое происходит у меня над головой уже столько лет, сколько я себя помню.

Они бы поругались честно. Или помирились честно. Без этого слоя — смотри, ребёнок рядом, смотри, она всё слышит, смотри.

Мысль была привычная. Вот что странно — она не была страшной. Она была как песня, которую слышишь слиш-

ком часто: уже не вслушиваешься в слова, просто губы иногда сами шевелятся, потому что мелодия намоталась куда-то внутрь и живёт там своей тихой жизнью. Я не впервые думала это. Я думала это прошлой осенью, когда они ругались из-за денег три вечера подряд. Я думала это в январе, когда папин бордовый шарф переехал с вешалки в прихожей на крючок в его мастерской — и больше не вернулся. Я думала это сейчас, с ручкой в руке и двумя зачёркнутыми $*x = *$ на листе.

Просто выйти из кадра. Не мешать.

За окном проехал автобус. Звук пришёл и ушёл. Небо осталось прежним — серым, мутноватым, никаким.

Я моргнула.

Евгений Олегович прошёл по проходу где-то слева, я слышала шаги, не видела — не повернула голову. Кто-то в заднем ряду тихо перелистнул страницу. Всё это было далеко, как со дна колодца.

Я посмотрела на свой лист.

$*x = *$

$*x = *$

Оба зачёркнуты.

Я снова взяла ручку нормально — всеми пальцами, как положено — и написала под вторым заданием просто: $*f(x)*$.

Поставила точку.

Зачеркнула точку.

Небо за окном было серым.

* * *

Я посмотрела на лист.

$*f(x).$

Зачёркнутая точка. Два зачёркнутых $*x = *$. Поля, в которых ничего нет, кроме вмятины от ручки там, где я давила слишком сильно, сама не заметив когда.

Первое задание. Надо было прочитать первое задание.

Я нашла его взглядом — вверху листа, жирным курсивом, как все задания Евгения Олеговича, будто курсив делает условие понятнее. $*Найдите область определения функции.*$ Дальше шла дробь с иксом в знаменателе, под корнем ещё один икс, и всё это было как иностранный язык, в котором я знала отдельные слова, но не понимала, как они держатся вместе.

Я прочитала ещё раз.

Слова остались теми же словами, только смысл никуда не появился.

Тогда я прочитала медленно — специально, слово за словом, как читают первоклассники, когда буквы ещё отдельные. $*Найдите. Область. Определения.*$ В голове было как на том сером небе снаружи — ничего конкретного, просто равномерная облачность.

Рука у меня двинулась сама. Я посмотрела на неё с лёгким любопытством — что она делает, что вообще происходит — и увидела, как пишу под первым заданием формулу. Что-то с корнем и минусом внутри. Это было из тетради Даши —

точно из тетради Даши, я видела что-то похожее, когда она объясняла мне накануне, сидя на подоконнике и болтая ногой. Она писала быстро и говорила ещё быстрее, и я кивала, потому что форма объяснения была мне понятна, просто содержание куда-то утекло между её ртом и моим ухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.